

А. Л. Андреев, И. В. Лашук

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ: КАРТИНЫ МИРА, ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ, СТРАТЕГИИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ. Часть 2

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Грант № 17-23-01007-ОГН (м)

DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6408

Андреев Андрей Леонидович – доктор философских наук, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова. 129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, 3; профессор, НИУ МЭИ. 111250, Россия, Москва, Красноказарменная ул., 14; главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
E-mail: sympathy_06@mail.ru

Лашук Ирина Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии; руководитель Центра социально-гуманитарных исследований УО «Белорусский государственный экономический университет». 220070, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Партизанский, 28
E-mail: lashuki74@gmail.com

Аннотация. Статья опирается на результаты исследования «Молодёжь в постсоветском пространстве: картины мира, ценностные установки, стратегии самореализации», эмпирической базой которого послужили социологические опросы, проводившиеся в октябре 2017–феврале 2018 гг. среди студентов ведущих вузов России и Республики Беларусь по сопоставимой методике. Анализ полученных данных осуществлялся с точки зрения проблемы внутренней консолидированности «русского мира» и перспективы смены поколений в элитах постсоветских государств (в этом контексте студенты ведущих российских и белорусских вузов рассматриваются как своего рода протоэлитная группа). Осуществлялось сопоставление картин мира российской и белорусской учащейся молодёжи, социальных представлений и ценностных ориентаций, формирующихся в студенческих средах двух близких по культуре стран особенностей российской и белорусской идентичности, стратегий личностной самореализации, включая выбор места проживания и уровень эмиграционных настроений. Во второй части статьи рассматриваются результаты психосемантического зондирования ассоциативных рядов массового сознания молодёжи, осуществляется реконструкция образов России и Белоруссии в сознании российской и белорусской молодёжи, а также образов некоторых других геополитических субъектов, оказывающих влияние на российско-белорусские отношения (США, Евросоюз, Польша, Украина, Китай). На основании результатов анализа показано, что россияне склонны обращаться за поиском моделей социального развития к опыту современного Китая, что нехарактерно для молодых белорусов. Отмечается также, что отношениям между Россией и Белоруссией в картинах

мира российской и белорусской молодёжи присуща определённая асимметрия. В статье обсуждаются возможные последствия различия картин мира и ценностных установок студенческой молодёжи России и Белоруссии для судеб «русского мира».

Ключевые слова: учащаяся молодёжь, картина мира, ценности, национальный менталитет, самореализация, историческое самосознание.

Образы акторов мировой политики

Рассмотрим теперь, какие смысловые и эмоциональные ассоциации связаны в картине мира молодого поколения российской и белорусской интеллигенции с некоторыми значимыми для нас субъектами международной политики. В этом нам поможет анализ эмоциональных реакций россиян и белорусов на такие понятия, как «Запад», «Евросоюз», «СССР», также как и на названия наших стран — Россия и Беларусь. В целом больших различий здесь не обнаружилось, хотя белорусская молодёжь всё же несколько лучше относится к Западу и Евросоюзу, чем российская: в России на слово «Запад» выявилось 27% положительных и 7% отрицательных реакций, а в Белоруссии 34,5 и 7% соответственно; на слово «Евросоюз» в российской выборке зафиксировано 14% положительных и 10% отрицательных реакций, а в белорусской — 28 и 5%. При этом белорусы чуть более негативно относятся к СССР (в России 25% положительных и 16% отрицательных реакций, в Белоруссии же и тех, и других оказалось примерно поровну — по 20%). Что же касается взаимного восприятия россиян и белорусов, то последние относятся к России с такой же симпатией, как и к своей стране, тогда как у наших московских студентов индикатор уровня позитивных смыслов и эмоций, ассоциирующихся со словом «Россия», заметно выше, чем со словом «Беларусь» (59% против 31%). Впрочем, доля негативных реакций в полученных нами ответах и в том, и в другом случае ничтожна: в российской выборке она не превышает 5%, а в белорусской составляет чуть больше 6%. Иными словами, россияне воспринимают Белоруссию не более негативно, а просто более нейтрально.

Попробуем теперь наполнить весьма общую оценочную шкалу «положительное — нейтральное — негативное» конкретным смысловым содержанием. С этой целью мы обратились к методике психосемантической реконструкции картины мира, которая и раньше использовалась как нами, так и другими учёными с целью моделирования складывающихся в массовом сознании образов различных явлений и объектов, в том числе и принадлежащих к общественно-политической сфере [Петренко, Митина, 2015]. Специально под задачи такого рода исследований нами был разработан список из 36 характерологических понятий, каждое из которых является индикатором личностных смыслов и эмоционально окрашенных образов: благосостояние, комфорт, культура, цивилизация, сила, стремительность, эффективность, энергия, ответственность, свобода, равенство, справедливость, достижение, интеллект, гуманизм, личность, обновление, увя-

дание, демократия, бюрократия, расцвет, молодость, красота, братство, семья, миролюбие, агрессия, нравственность, душа, традиция, жёсткость, мягкость, разнообразие, стратегия, наркотики, творчество.

Как нетрудно заметить, в список входит ряд противоположных по смыслу парных понятий (например, мягкость — жёсткость, агрессия — миролюбие), и, кроме того, все они могут быть при желании сгруппированы в семантические кластеры, выражающие собой некоторые аспекты более общих абстрактных качеств, таких как динамизм (энергия, стремительность, сила), органическое состояние (увядание, расцвет, молодость) и др. И российским, и белорусским респондентам было предложено выбрать не более пяти понятий из данного списка, в наибольшей степени ассоциирующихся в их сознании как с самими нашими странами, так и с некоторыми ключевыми международными игроками, которые оказывают определяющее влияние на состояние глобального мира в целом (США, Евросоюз, Китай) или соседствуют одновременно с Россией и Белоруссией, обладая в силу этого потенциалом непосредственного влияния на их отношения (Польша, Украина). Мы полагаем, что сходство и различия во взглядах россиян и белорусов как на самих себя, так и на взаимодействующих с нашими странами международных акторов весьма информативны для составления «ментальных карт» сознания и дают основу для прогнозирования путей и направлений эволюции российского и белорусского социумов.

Анализ полученных в ходе опросов данных выявил значительное сходство между российскими и белорусскими студентами в восприятии Западной Европы и США. Образы США, ЕС, Польши, Украины, сложившиеся в студенческих средах России и Белоруссии, порождают очень близкие ассоциации. Значения указывающих на них индикаторов, естественно, различаются, иногда довольно заметно, но при этом наиболее значимые ассоциации (отмечены не менее чем четвертью опрошенных) в большинстве своём совпадают: в случае с США это благосостояние, сила, свобода, агрессия и наркотики (в российский список в дополнение к этому попал ещё комфорт, а в белорусский — цивилизация и достижения), в случае с Евросоюзом — благосостояние, комфорт, цивилизация, свобода (россияне добавили ещё такие позиции, как «культура», «равенство», «многообразие», которые в белорусской выборке не добрали до 25% 3–5 процентных пунктов) и т. д. Несколько странно, однако, что Польшу, которую принято считать своего рода идеальным образцом для исторически связанных с ней постсоветских республик и которая является для их населения приоритетным направлением миграции, московские студенты воспринимают позитивнее, чем белорусские. И для тех, и для других Польша — это комфорт, культура, благосостояние. Однако оценка данной страны в номинации «культура» в белорусской молодёжной среде оказалась заметно ниже, чем в российской (26 против 33,5%). Кроме того, у россиян при упоминании Польши возникает ещё и довольно сильная ассоциация со словом «свобода», тогда как у белорусов оценка по данному параметру в целом оказалась средней (16% против 26% у москвичей). В чём при-

чина такого расхождения, на основе данных массового опроса выяснить сложно. Может быть, всё дело в том, что белорусы, которые непосредственно соседствуют с Польшей, знают её лучше, чем россияне?

Зато россияне намного больше склонны давать высокие оценки Китаю. Значительную часть доминирующих в российской студенческой среде характеристик этой могущественной азиатской державы (сила, достижения, стремительность, интеллект, цивилизация, культура, энергия, обновление) разделяют и белорусы. Но у них такие оценки встречаются реже, иногда – совсем немного, но иногда и значительно. Например, ассоциация «Китай = эффективность» зафиксирована более чем у 40% российских студентов и лишь у 24,5% белорусских. Правда, последние несколько выше оценили КНР по параметру «благополучие».

Склонность к некоторому смягчению российских оценок белорусы проявляют и в восприятии Украины (правда, в данном случае речь идёт уже не о позитивных, а об отрицательных характеристиках). Соглашаясь в принципе с тем, что Украина – это в первую очередь «агрессия», «увядание» и «жесткость», белорусы всё же обращаются к таким характеристикам реже, чем россияне. Например, понятие «агрессия» ассоциируется с Украиной без малого у 2/3 российских студентов и у 40% белорусских, «увядание» – у 60% россиян и 47% белорусов. Впрочем, характеристики по таким показателям, как интеллект, гуманизм, комфорт, благополучие, эффективность, в обеих выборках колеблются от 1,5 до 2,5%, совпадая при этом с точностью до десятых долей процента.

Если провести сквозное сопоставление стран по ключевым параметрам привлекательности, то ЕС и у россиян, и у белорусов окажется чемпионом по благополучию, Китай – по эффективности, интеллекту и культуре, Россия – по силе. А вот США не лидируют ни в одной из такого рода номинаций, хотя по большинству из них (кроме культуры) они оцениваются достаточно высоко. Вообще же Китай и в глазах россиян, и в глазах белорусов (в первом случае, правда, несколько больше, чем во втором) выглядит динамичнее и сильнее, чем США и тем более ЕС. Правда, очень мало кто (менее одного человека из ста) видит в нынешнем варианте Поднебесной такие черты и качества, как гуманизм, доброта, миролюбие или свобода. Но и США по всем этим показателям, за исключением свободы, получили практически такие же весьма низкие результаты.

Образы России и Белоруссии в сознании молодёжи

А как сами Россия и Белоруссия? Как они выглядят в глазах друг друга и в своих собственных?

Образ Белоруссии и у её собственных молодых граждан, и у россиян ассоциируется прежде всего с традициями и традиционализмом (и в той, и в другой выборке эту связь обозначили около половины опрошенных). Кроме того, он получился очень лирическим, в чём-то даже женственным. Его семантический

ряд включает в себя такие смысловые характеристики, как культура, миролюбие, душа, семья, доброта. Для самих белорусов очень значима также красота, однако в российской выборке эта ассоциативная связь существенно слабее (16% против 30%), её интенсивность даже слегка уступает той, которая в их глазах характеризует Россию (17,5%) и Польшу (18,5%). Но практически у каждого пятого белорусского студента образ родной страны связан с увяданием. Россияне гораздо менее склонны к таким пессимистически-элегическим ассоциациям. В то же время в обеих студенческих средах динамическая смысловая компонента (эффективность, достижения, энергия, сила, стремительность, интеллект, обновление) в образе Белоруссии выражена относительно слабо, и притом, что примечательно, у самих белорусов слабее, чем у россиян.

Россия, как уже отмечалось выше, воспринимается как бесспорный лидер по силе, значительно обойдя в этом плане не только Китай, но и США. При этом белорусы оценили партнёров по Союзному государству даже выше, чем россияне оценивают себя сами (слово «Россия» ассоциировалось с понятием «сила» у 53% российских респондентов и у 64% белорусских). Вторым по значимости смысловым компонентом образа России стала ассоциация с традицией (около 40% ответов россиян и 25% ответов белорусов). А вот понятия «культура» и «семья», которые применительно к своей родине упомянули соответственно 40 и 27% россиян, в белорусской выборке получили по крайней мере в 2 раза меньше голосов каждое. Среди своих собственных граждан Россия получила сравнительно неплохие результаты также и по таким характеристикам, как душа и интеллект (хотя обе немного не дотянули до обозначенного нами порога значимости в 25%), но белорусы данный результат подтвердить отказались; правда, по таким характеристикам, как достижения, эффективность, стратегия, свобода, благосостояние, они поставили Россию выше, чем сами россияне, но тем не менее эти их оценки не вышли за пределы среднего диапазона (10–25%).

К сожалению, в ходе проведённого исследования были получены некоторые результаты, которые трудно назвать иначе как разочаровывающими или, по крайней мере, настораживающими. Например, и в белорусской, и, что ещё более показательно, в российской студенческой среде весьма слабыми оказались ассоциативные связи между образом России и такими смысловыми характеристиками, как миролюбие (около 6% в российской выборке и 7,5% в белорусской), гуманизм (около 6,5% ответов россиян и 4% – белорусов), обновление (чуть более 7,5% ответов в российском опросе и 6% в белорусском), доброта (9 и 6% соответственно). Около 12–13% ответивших на наши вопросы юношей и девушек охарактеризовали состояние современной России как увядание, и всего 3,5% молодых россиян и 7% белорусов решились определить современное состояние нашей страны как расцвет.

Проанализировав эти ассоциативные ряды, не приходится удивляться тому, что во взглядах образованных молодых людей и в России, и в Белоруссии нередко обнаруживаются определённые черты пессимизма и сомнений в историческом выборе своих стран. Так, в Москве на вопрос даст ли тот путь, по которому идёт

сейчас страна, положительные результаты или приведёт в тупик, мы получили почти полуторакратное превышение отрицательных ответов над положительными (почти 37% против 24%) при очень большом количестве (свыше 40%) не имеющих на этот счёт определённого мнения. Следует при этом отметить, что 7–8 лет назад мнения российской студенческой молодёжи по этому поводу были заметно более позитивными [Андреев, 2011]. В Белоруссии пессимизм относительно перспектив развития страны выражен ещё сильнее: среди опрошенных в ходе исследования белорусских студентов доля считающих, что страна движется в тупик (42%), превысила аналогичный российский показатель почти в 2 раза. Уверенных же в том, что стратегия развития выбрана правильно, нашлось всего 11%. Таким образом, если в России соотношение между оптимистами и пессимистами в студенческой среде составляет примерно 1:1,5, то в Белоруссии оно почти доходит до 1:4.

Это, безусловно, тревожный симптом, на который следовало бы обратить самое пристальное внимание. Представим себе, что полученные нами данные могут означать уже в среднесрочной перспективе, а именно: сохранится ли наметившийся в последние годы вектор развития России и Белоруссии или по мере того, как нынешняя элита будет замещаться представителями нового поколения образованной молодёжи, наши страны вновь начнут терять уверенность в себе и, не исключено, вернуться к метаниям, через которые нам уже довелось пройти в последнее десятилетие советской эпохи? В этой ситуации Белоруссия определённо выглядит как относительно «слабое звено». И хотя в настоящее время политическая ситуация в Белоруссии достаточно стабильна, но, как показывают полученные данные, неизбежная смена поколений в белорусских элитах вполне может привести к политической турбулентности и смене вектора развития страны, что, безусловно, не может не отразиться и на отношениях Белоруссии с «русским миром».

В связи с этим закономерно возникает вопрос: как и почему среди той части молодёжи, которая в среднесрочной перспективе должна сыграть ключевую роль в форматировании «русского мира» под инновационные модели развития и грядущую смену форм техногенной цивилизации на базе перехода к цифровой экономике, складываются именно *такие* взгляды и представления? И его, в частности, следует задать и тем, кто несёт ответственность за молодёжную политику, и «эффективным менеджерам», пытающимся экономить на гуманитарной компоненте образования, и руководителям тех СМИ, которые, по идее, должны представлять «мягкую силу» России как внутри страны, так и вне её. На наш взгляд, представленные данные говорят о значительных недоработках и, что ещё важнее, о недостаточной «стратегичности» информационного влияния России и «русского мира», главным недостатком которого представляется перевес в сторону «массированных» методов и неумение кропотливо работать с относительно немассовыми, но ключевыми по своему значению целевыми аудиториями, в особенности — с креативными интеллектуальными средами, требующими очень тонких подходов. В то же время не всё объясняется недостаточной гибкостью российской пропаганды, существуют и объективные причины

отчуждения определённой части образованной молодёжи. К ним можно, в частности, отнести уже упоминавшуюся в первой части статьи в связи с проблемой «утечки мозгов» бюрократизацию сферы науки и образования. Не меньшее значение имеют и высокий уровень социального неравенства, возникновение «громбов» в каналах социальной мобильности [Социальное неравенство..., 2006], которые никак не препятствуют карьере выходцев из высшего чиновничества, финансовой олигархии и верхушки шоу-бизнеса, мало затрагивают интересы претендующих на карьерные перспективы социальных слоёв, но очень болезненно отражаются на социальном воспроизводстве так называемого среднего класса.

Образы истории и историческое самосознание

В целом процесс формирования картины мира в сознании новых элит зависит от нескольких причудливо взаимодействующих факторов, влияние которых в той или иной степени перекрывает друг друга. То, как в конечном счёте сложится результирующая этих факторов, в решающей степени зависит от идентичности, а точнее — от её субъективного переживания (чувства идентичности). При этом обязательно надо учитывать такую социально-психологическую особенность едва ли не любого входящего в жизнь поколения, как наличие у него *множественных прожективных самоидентификаций*, часто весьма фрагментарных, противоречивых и неустойчивых, но тем не менее эмоционально более сильных, чем реалистическая самоидентификация по происхождению и реальному социальному положению. У той части молодёжи, которая готовит себя к интеллектуальным профессиям, прожективные самоидентификации обычно теснее, чем у других, связаны с образами будущего (предстоящего, впрочем, скорее в виде социальных мечтаний, чем обоснованных предположений). Однако для нас сейчас важнее обратиться к исторической составляющей идентичности, поскольку именно она, эта составляющая, определяет характер отношений между сменяющимися друг друга поколениями, а значит, её анализ создаёт основу для прогнозов по поводу того, насколько ожидаемое обновление элит может быть связано с существенным пересмотром модели идентичности и разрывами преемственности в развитии страны (как это случилось, к примеру, на Украине).

Обращаясь к данному вопросу, мы исходили из того, что история становится элементом идентичности по крайней мере двояко — через выбор любимых исторических персонажей и через дифференцированное отношение к тем или иным историческим эпохам. Скажем, для россиян, если говорить о них в целом, первое место среди исторических героев безоговорочно занимает Пётр I, которого всегда оценивают на порядок выше других государственных деятелей как Российской империи, так и СССР (не исключая, кстати, Ленина и Сталина). В нашем опросе, что, в общем, неудивительно, царь-преобразователь также оказался бесспорным фаворитом. Но всё же по уровню симпатий и уваже-

ния в российской студенческой среде его, хотя и ненамного, опередили Пушкин, деятели культуры серебряного века, выдающиеся учёные и инженеры советской эпохи. И уж совсем неожиданным стало то, что практически вровень с образом неистового, поднявшего страну на дыбы самодержца встала фигура реформатора совсем другого типа — царя Александра II.

Данные целого ряда социологических опросов неизменно показывают, что лучшим временем для страны россияне считают «золотую осень» советской власти и нынешний, текущий период отечественной истории [О чём мечтают..., 2013: 39]. Однако в студенческой среде московских вузов доминирует иное мнение: на первое место наши респонденты поставили период петровских преобразований; в целом его выбрали почти 57% ответивших, но при этом студенты технических и естественно-научных специальностей оценивают данную эпоху заметно выше, чем их сверстники-гуманитарии. Учитывая значительную амбивалентность этого исключительно яркого, но и очень жестокого времени, точно сказать, в чём именно состоит причина столь высокой его оценки, без дополнительных углублённых исследований довольно сложно. Зато остальные предпочтения наших респондентов интерпретируются без особых затруднений: они демонстрируют сдвиг предпочтений к периодам мира и интенсивного духовного творчества. Так, второе место в нашем условном рейтинге было отдано серебряному веку русской культуры (свыше 40% ответов), вслед за которым идёт пушкинская эпоха, разделившая условное третье место с периодом 2000-х — 2010-х гг. С симпатией и уважением воспринимаются годы духовного подъёма, связанного с Победой в Великой Отечественной войне, хотя эту позицию наши респонденты называли примерно в 2 раза реже, чем петровскую эпоху. А вот вызывающая ностальгию у многих россиян эпоха развитого социализма в глазах молодёжи абсолютно непопулярна, как, впрочем, непопулярны годы революции, перестройка и «святые девяностые» — их отмечали в своих ответах менее 10% респондентов (см. таблицу 1).

Здесь, в сфере восприятия истории, культурно-психологическая дистанция между российскими и белорусскими студентами оказалась наибольшей. Фактически мы зафиксировали у них разные типы исторического самосознания. В белорусской выборке, в отличие от российской, исторические симпатии не сконцентрированы и выглядят как бы «размазанными» по оси времени: в целом они распределены между несколькими точками на этой оси, но уровень симпатий ни в одной из них не дотягивает и до 1/5 от числа полученных ответов. Обращает на себя внимание определённая эмоциональная отчуждённость белорусских студентов от многих привлекательных для их российских сверстников эпизодов нашей общей истории. Правда, время петровских преобразований вошло в число наиболее позитивно воспринимаемых белорусской молодёжью исторических эпох, но индикатор эмоциональной привлекательности этой эпохи оказался в 5 раз ниже, чем у россиян (11 против почти 57%). Лидирует же в глазах белорусских студентов эпоха Великого княжества Литовского, хотя и в этом случае уровень самоидентификации с ней сравнительно невысок: признать её золотым веком своей истории готовы лишь около 19% опрошенных.

Таблица 1

Распределение ответов российских студентов на вопрос: «Какие эпохи отечественной истории нравятся Вам больше других, какие из них Вы могли бы назвать ‘золотым веком’?», %*

Исторические эпохи	Доля
Эпоха Петра Великого	56,8
Годы Серебряного века русской культуры (конец XIX–начало XX вв.)	41,2
Современный период (с начала 2000-х гг.)	39,3
Пушкинская эпоха	39,1
Время духовного подъёма, связанного с Победой в Великой Отечественной войне	29,0
Эпоха великих российских императриц (XVIII в.)	23,7
«Богатырский век» Киевской Руси	14,9
Оттепель (1950-е –1960-е гг.)	13,3
Время расцвета Московского царства	12,3
Момент перехода к демократии и быстрого обогащения энергичных и деловых людей (начало 1990-х гг.)	9,0
Годы революции	7,6
Годы перестройки	6,6
При Брежневе (развитой социализм, эпоха застоя)	5,5
Что-то другое	1,4

*Разрешалось выбрать не более трёх вариантов ответов.

Предметы национальной гордости сближают российскую и белорусскую молодёжь существенно больше, чем история. И в том, и в другом случае в самой верхней части списка оказываются Победа в Великой Отечественной войне и космический полёт Ю. Гагарина, а в самой нижней – Октябрьская революция и борьба диссидентов против коммунистического режима. Ни российские, ни белорусские студенты не склонны восхищаться и святыми подвижниками, канонизированными православной церковью. Однако позитивные эмоции россиян по поводу наших главных достижений выражены заметно сильнее. Хотя в этой номинации белорусы выдвинули на первое место победу над нацизмом, тогда как у россиян она оказалась по значимости лишь второй, уступив несколько процентов наследию золотого и серебряного веков русской культуры, общая доля тех, для кого Победа является предметом гордости, в белорусской выборке оказалась меньше (50 против 61%). Правда, при этом белорусы в два раза чаще своих российских сверстников отмечали значение партизанского движения (24 и 12% соответственно), что для бывшей «партизанской» республики, конечно же, вполне естественно. Белорусская молодёжь больше россиян склонна гордиться духом своего народа и его нравственными ценностями (30% против 10%), но меньше значения придаёт международному авторитету своей страны, который для россиян является хоть и не первостепенным, но достаточно важным пунктом (значение соответствующего показателя в белорусской выборке около 8%, а в российской – свыше 24%). Как мы и ожидали, исторические реминисценции по поводу величия Российской империи у молодых белорусов не вызывают

никакого энтузиазма: значение соответствующего показателя очень мало; у молодых россиян оно, по правде говоря, тоже не слишком велико, но всё-таки в 5 раз выше белорусских двух процентов. А вот сопоставление данных по такой позиции, как гордость достижениями советской науки и техники, напротив, оказалось неожиданным: если в России ими гордится каждый второй студент, то в Белоруссии лишь каждый пятый. Это заметно меньше (примерно на 7 процентных пунктов), чем голосов, поданных за наследие белорусского Возрождения и классиков белорусской реалистической литературы второй половины XIX — начала XX вв. Это, заметим, при том, что развитой индустриальной страной европейского уровня Белоруссия стала именно в годы предвоенных и послевоенных советских пятилеток.

Создание Союзного государства России и Белоруссии в обеих выборках оценивается не слишком высоко, но среди белорусских студентов это событие воспринимает как повод для гордости примерно каждый десятый, в то время как для россиян это периферийное событие. Тем не менее молодые россияне значительным большинством поддерживают различные интеграционные инициативы, причём Белоруссия выступает в этом контексте как один из ведущих партнёров — в поддержку всемерного развития интеграции с этой близкой нам страной высказались свыше 88% опрошенных нами российских студентов. В этом плане Белоруссия заняла в списке приоритетов второе место, лишь немного уступив КНР (для сравнения укажем, что развивать интеграцию с Казахстаном хотели бы 82% опрошенных, с ЕС — 75%, с НАТО — 52%, с Украиной — 42% при 57% придерживающихся противоположного мнения).

В ходе проведённого исследования нашим респондентам также задавался вопрос об их самоидентификации с «русским миром». Среди белорусских студентов свою принадлежность к нему ощущают: часто — свыше 28%, иногда — почти 48%, никогда — около 24%. В российской выборке цифры получились примерно такими же (27, 40 и 33% соответственно). При этом белорусы чаще отождествляют себя собственно с Россией, чем россияне с Белоруссией. Во всяком случае, никогда не ощущают чувства близости к Белоруссии и белорусам не менее 46% московских студентов (полагаем, что в Смоленской области мы получили бы намного меньшую цифру, хотя в Сибири или на Дальнем Востоке она могла бы оказаться и выше). Среди белорусов же полную отчуждённость от России проявили лишь 26% опрошенных. При этом уровень самоидентификации с «русским миром» и в России, и в Белоруссии оказался слабее не только экзистенциальных идентификаций с семьёй и друзьями, но и внутривнутрипоколенческой, социальной, этнокультурной и земляческой солидарности, близости по убеждениям и даже чувства единства с теми, кто «проводит свой досуг так же, как и мы». Эмоционально принадлежность к «русскому миру» практически не маркирована и воспринимается просто как данность. Так, например, среди опрошенных нами российских студентов этой принадлежностью гордятся всего 7,5%, а принадлежностью к славянству — чуть более 6%. Более слабая связь выявлена нами лишь в одном случае — когда в качестве объединяющего фактора выступала религия.

Заключение

Косвенно данные проведённого исследования свидетельствуют о том, что в среде учащейся молодёжи начался процесс поиска новых идеалов и новых моделей «хорошего общества». Но в целом эволюция социальных представлений наиболее образованной части постсоветской молодёжи, а также её взглядов на историю происходит довольно плавно, без рывков и крутых поворотов, которые известны нам по кризисному развитию конца 1980-х—начала 1990-х гг. По крайней мере, в России, сам факт существования которой в решающей мере задаёт динамику развития всего постсоветского пространства, оснований для того, чтобы прогнозировать какие-то разрывы преемственности в духовном развитии российского общества, нет. В то же время ценностные векторы и базовая картина мира, на основе и в рамках которой идут эти поиски у молодого поколения российской интеллигенции, заметно расходятся с тем, что мы наблюдаем в других постсоветских странах, не исключая ментально самых близких к нам, как Белоруссия. В частности, в России обнаруживается сильная склонность видеть образец в китайской модели развития, чего в Белоруссии не наблюдается. Не исключено, что такие расхождения могут привести к нарастанию отчуждённости между интеллектуальной элитой России и новыми поколениями национальной элиты других государств, входивших когда-то в состав СССР, что потребует корректировки политики собирания «русского мира».

Список литературы

Андреев А. Л. Перспектива инновационного развития России глазами научно-технической интеллигенции // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 66–76.

О чём мечтают россияне: идеал и реальность / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.

Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ политического менталитета общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2015. № 3. С. 27–40.

Социальное неравенство в социологическом измерении. Аналитический доклад / [М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова и др.]. М.: Институт социологии РАН, 2006. 135 с.

Дата поступления в редакцию: 26.11.2018.

DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6408

Russian and Belarusian Students: World Views, System of Values, Self-Actualization Strategies. Part II

This research was supported by RFBR grant No 17-23-1007 a (M)

Andreev Andrey Leonidovich

Doctor of Philosophy, Professor, All-Russian State Institute of Cinematography by S. A. Gerasimov. Wilhelm Pieck str., 3, 129226, Moscow, Russia; Professor, MPEI. Krasnokazarmennaya str., 14, 111250, Moscow, Russia; Professor, MEPhI. 115409, Kashirskoe sh., 31 Moscow, Russia; Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Krzhizhanovskogo str. 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia.
E-mail: sympathy_06@mail.ru

Lashuk Irina Valerjevna

Candidate of Sociology, Associate Professor, Head of the Center for Social and Humanitarian Studies, EE «Belarusian State Economic University» 220070, Republic of Belarus, Minsk, Partizansky Ave., 28. E-mail: lashuki74@gmail.com

Abstract. The article is based on the results of the study “Young people in the post-Soviet space: pictures of the world, values, strategies of self-realization”, the empirical basis of which were sociological polls conducted in a comparable manner, conducted in October 2017 – February 2018 among the students from leading universities in Russia and the Republic of Belarus. The analysis of the data was carried out from the point of view of the problem of the internal consolidation of the “Russian world” and the prospects for a change of generations in the elites of the post-Soviet states (in this context, the student contingent of leading Russian and Belarusian universities is viewed as a kind of protoelite group). A comparison was made of the world pictures of Russian and Belarusian students, their social perceptions and value orientations, peculiarities of Russian and Belarusian identity, personal self-actualization strategies, including the choice of place of residence and the level of emigration attitudes. Both similarities and differences in the mentality of young Belarusians and Russians are revealed. In particular, the differences in the perception of the arrow of time, as well as in the emotional relation to the concept of “state”, revealed during the study are of great importance. Based on the results of the analysis, the article shows that the ideas about the life of Russian and Belarusian students are largely similar, but the relations between Russia and Belarus in the picture of the world of Russian and Belarusian youth are asymmetric. The article discusses the possible consequences of the difference between the pictures of the world and the value attitudes of student youth in Russia and Belarus for the fate of the “Russian world”.

Keywords: students, picture of the world, values, national mentality, self-realization, social self-consciousness.

REFERENCES

Andreev A. L. Perspektivy innovatsionnogo razvitiya Rossii glazami nauchno-tehnicheskoyi ntelligentsii. [The prospect of innovative development of Russia through the eyes of scientific and technical intelligentsia]. *Sotsiologicheskiei ssledovaniya*. 2011. № 6. P. 66–76. (In Russ).

O chem mechtayut rossiyane. Ideal I realnost'. [What Russians dream about: ideal and reality]. M.: Ves' Mir publ., 2013. 400 p. (In Russ).

Petrenko V. F., Mitina O. V. Psikhosemanticheskij analiz politicheskogo mentaliteta obschestva. [Psychosemantic analysis of political mentality of the society]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2015. № 3. P. 27–40. (In Russ).

Sotsialnoe neravenstvo v sotsiologicheskom izmerenii. Analiticheskij doklad. [Social inequality in the sociological dimension. Analytical report]. M.: Institut sotsiologii RAN publ., 2006. 135 p. (In Russ).

Date received by 26.11.2018.